

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МАТЕРИКОВОГО КИТАЯ И ГОНКОНГА ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Тянь Юнчунь

Российский университет дружбы народов им. Патрисы Лумумбы

Поступила в редакцию 8 мая 2024 г.

Аннотация: в данной статье рассматривается специфика реагирования китайских СМИ и социальных медиа в период чрезвычайных ситуаций в сфере здравоохранения на примере динамической структуры информационной политики материкового Китая и Гонконга (с учетом как государственных, так и негосударственных источников получения информации населением в тот непростой период истории КНР).

Ключевые слова: социальные сети, Китай, коронавирус, COVID-19, инфодемия, пандемия.

Abstract: *this article examines the specifics of the response of Chinese media and social media during health emergencies using the example of the dynamic structure of information policy in mainland China and Hong Kong (taking into account both state and non-state sources of information for the population during that difficult period in the history of the PRC).*

Keywords: *social networks, China, coronavirus, COVID-19, infodemic, pandemic.*

Пандемия коронавируса заставила правительства разных стран улучшить информационно-коммуникационную стратегию в ситуации угрозы в области здравоохранения с учетом накопленного проблемного опыта. Опыт Китая в этом отношении является уникальным: КНР не могла, как другие страны, опереться на опыт какого-то иного государства, выстраивая информационную повестку; в то же время государство и общество в Китае смогли показать всему миру беспрецедентные усилия в борьбе с пандемией.

Важнейшим аспектом в стабилизации общественной жизни в чрезвычайных ситуациях является преодоление инфодемии. Можно дать следующее определение инфодемии: «Этот феномен представляет собой стремительное и неконтролируемое распространение в новых медиа необоснованной и ложной информации о кризисных событиях, усиливающее общественное беспокойство» [1, 58]. Основу инфодемии составляют фейки, которые манипулируют сознанием людей при помощи следующих акцентов: 1) непосредственно-личностная составляющая (информация подается в непосредственно-доверительном формате от реального человека); 2) «источник, заслуживающий доверия» (ссылка на источник, близкий к органам здравоохранения); 3) присутствие эмоциональной раскочки (в обобщенной и панической манере подчеркивается, что ситуация вышла из-под контроля официальных властей, преувеличивается количество жертв и т.д.); 4) иллюзия действия (адресата призывают сделать простой шаг — оповестить о страшных фактах своих близких якобы для из безопасности).

Стоит обратить внимание на произведенную специалистами типологизацию основных тем инфодемии: это 1) продвижение поддельных тестов и лекарств; 2) предположения о происхождении нового вируса; 3) приуменьшение опасности вируса и необходимости мер по борьбе с ним; 4) расистская травля; 5) мошенничество в сфере данных; 6) фейки о причастности брендов и технологий к распространению вируса (например, 5G и Coca Cola); 7) слухи о смертях и заражениях знаменитостей, в том числе политиков [2]¹.

Особое значение в деле распространения ложной и дестабилизирующей информации имеют социальные сети. А. В. Землянский, анализируя теории заговора, развивавшиеся в контексте пандемии коронавируса, пришел к следующему выводу: «Исходя из анализа разобранных выше теорий заговора, можно сделать вывод, что СМИ не ответственны за их возникновение, но ответственны за распространение. Так, теории заговора рождаются преимущественно в социальных сетях <...> Причиной возникновения теорий заговора служит общественная тревога и попытки людей оправдать происходящие события, оставшиеся без официального объяснения. СМИ же выполняют исключительно транслирующую роль, выступая здесь связующим звеном между отдельными пользователями Интернета, создающими теории заговора, и остальной аудиторией. Как правило, статьи СМИ не носят оценочного характера. Большинство материалов соответствует новостной концепции или имеет формат журналистского расследования» [3, 60].

¹ Covid 19Misinfo. URL: <https://www.covid19misinfo.org> (дата обращения: 02.05.2024).

В этом контексте стоит обратить внимание на то, что, будучи двумя тесно связанными обществами в одной стране, материковый Китай и Гонконг демонстрировали две отличительные информационные экосистемы в условиях пандемии COVID-19. Пример материкового Китая показал авторитарную модель управления информацией, при которой правительство имеет полную власть определять объем «публикуемой» информации, а также пространство, к которому могут получить доступ средства массовой информации и общественность.

Случай Гонконга, напротив, иллюстрирует образец информационной анархии в его пандемической информационной экосистеме. Хотя эта политика борьбы с пандемией вызывает дебаты, правительство публиковало информацию о заболевании более открыто и своевременно. Электронные СМИ и общественность в данном случае имеют свободу производить и распространять информацию о пандемии, которая осуществляет систему сдержек и противовесов над правительством.

В отличие от материкового Китая, в Гонконге нет эффективных механизмов, чтобы корректировать и регулировать информацию в социальных сетях. Хотя правительство пыталось исправить дезинформацию, оно не смогло эффективно устранить сомнения и страхи общественности из-за ее низкого доверия правительству. Гонконг пострадал от онлайн-дезинформации о пандемии в ситуации кризиса общественного здравоохранения.

Исследования показывают, что призывы общественности к прозрачности усиливали давление на распределение ответственности среди чиновников сверху вниз. Непрозрачность поставила центральное руководство под огромное давление, требующее возложить ответственность на местных чиновников. В свете общественного протеста в пользу прозрачности и подотчетности местные чиновники и tecnократы центрального здравоохранения стремились склонить общественное мнение в свою пользу в игре с обвинениями.

Очевидно, что в контексте проблем в области общественного здравоохранения прозрачность и подотчетность являются основой, которая поддерживает права людей на информацию. В то же время не менее очевидным является и то, что «правда» о негативных событиях, таких как пандемия, кризис и катастрофа, по сути, является социальным конструктом — подборкой и наиболее выгодной интерпретацией фактов [4].

Анализируя характер освещения эпидемии SARS в 2003–2004 гг. и в эпоху коронавируса, можно сделать вывод о том, «что в его основе лежала та же самая журналистская трехступенчатая модель, что и в случае с пандемией коронавируса: на начальном этапе — информирование о новом вирусе и попытка успокоить граждан. Второй этап — появление

в массмедиа комментариев экспертов и аналитических статей и репортажей об этимологии и степени опасности заболевания. Третий — завершающий, когда СМИ возвращаются к обыденной повестке и тема заболевания уходит на задний план» [5, 571].

Если сравнить, как функционировала информационная экосистема материкового Китая и Гонконга на ранней стадии вспышки, то есть с 31 декабря 2019 г. по 29 февраля 2020 г., то можно сделать вывод о том, что события и новостные статьи, опубликованные на ранней стадии вспышки через информационную базу данных Wisers, как уже было сказано, демонстрируют и концептуализируют управление информацией в материковом Китае как «информационный авторитаризм», а в Гонконге — как «информационную анархию». Однако, несмотря на разные модели управления информацией, коренящиеся в разных социально-политических условиях, обе информационные экосистемы пострадали от ложной информации о пандемии.

Поскольку общество на материке ограничено в свободном распространении информации общественного здравоохранения, оно неспособно противостоять «официальной дезинформации». Информационное управление в Гонконге, которое можно охарактеризовать как «информационную анархию», приводит к тому, что правительство регулярно публикует информацию о пандемии, а общество может свободно распространять информацию.

Стоит отметить, что обе информационные экосистемы во время пандемии не смогли предоставить общественности точную и достоверную информацию из-за распространения дезинформации (т.е. заведомо вводящей в заблуждение информации) или misinformation (т.е. непреднамеренно вводящей в заблуждение информации). В то время как жесткий контроль над доступом общества и распространением информации привел к доминированию официальной дезинформации в материковом Китае, минималистское управление информацией, низкое доверие к правительству, а также поляризация СМИ и общественного мнения привели к тому, что Гонконг в равной степени пострадал от «дезинформации в социальных сетях», которая время от времени порождает социальную панику.

Рассмотрим эту ситуацию подробнее. Первые случаи заболевания COVID-19 начали появляться в городе Ухань провинции Хубэй в декабре 2019 г. С конца декабря по 19 января 2020 г. публичной информации о пандемии почти не было. Спорадическая информация, распространявшаяся через социальные сети, официально квалифицировалась как слухи. Лишь 20 января 2020 г., когда Генеральный секретарь Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин впервые дал указания по предотвращению вспышки и борьбе с ней, в материковом Китае стало доступно все больше информации о пандемии.

Этот день стал поворотным моментом, который разграничил две фазы информационной экосистемы на ранней стадии вспышки в материковом Китае: правительство скрыло информацию и ввело общественность в заблуждение на этапе I (с декабря 2019 г. по 19 января 2020 г.), и правительство выборочно раскрывало информацию и предлагало ограниченное пространство средствам массовой информации и пользователям сети на этапе II (с 20 января по 29 февраля 2020 г.; к тому времени количество подтвержденных случаев и смертей постепенно снизилось в провинции Хубэй, а также по всей стране).

Что касается управления информацией, этап I включал официальную дезинформацию. Любая информация, связанная с COVID-19, такая как подтвержденные случаи и характер заболевания, была политизирована и строго контролировалась, поскольку вспышка произошла накануне местных «двухсессионных» встреч (兩會 Лянхуэй), наиболее важных ежегодных политических встреч местных органов власти и Лунного Нового года, самого важного праздника для китайцев. По мнению местных политиков, раскрытие информации о пандемии могло нанести ущерб политическим интересам правительства в поддержании социальной стабильности. Таким образом, власти Уханя и провинции Хубэй смягчили вспышку, намеренно предоставив общественности ложную информацию о том, что было лишь ограниченное число подтвержденных случаев, ни один медицинский персонал не был инфицирован, передача вируса от человека к человеку не произошла и что вспышка была под контролем. Хотя симптомы первого подтвержденного случая COVID-19 были зарегистрированы 8 декабря 2019 г., только 29 декабря 2019 г. Уханьское бюро здравоохранения (WHB) стало расследовать все недавние случаи пневмонии в Ухане. 31 декабря 2019 г. WHB впервые объявило о 27 подтвержденных случаях «пневмонии неизвестного происхождения». О первой смерти, связанной с COVID, произошедшей 9 января, стало известно только два дня спустя, на следующий день после завершения двухсессионных встреч.

WHB снова хранило молчание с 12 по 17 января, когда проводились двухсессионные встречи в провинции Хубэй. 18 и 19 января WHB сообщило о 4 и 17 новых подтвержденных случаях соответственно. Власти Уханя и провинции Хубэй не только дезинформировали общественность количеством подтвержденных случаев, но и не предупредили общественность заранее, хотя Китайский центр по контролю и профилактике заболеваний внутри страны заявил о втором по величине уровне реагирования на чрезвычайную ситуацию 6 января и повысил его до высшего уровня 15 января. Даже после того, как 20 января были даны инструкции Си Цзиньпина, секретарь Коммунистической партии и губернатор провинции Хубэй создали у общественности ложную иллюзию о несе-

рьезном характере этого инфекционного заболевания, приняв участие в массовом праздновании Лунного Нового года 21 января.

Признав серьезность вспышки в Ухане, центральное правительство начало борьбу с COVID-19. 21 января информационная экосистема материка вступила в фазу II, когда центральные и местные органы власти начали ежедневно публиковать информацию о статистике COVID-19 и деталях подтвержденных случаев, которые ранее считались слишком конфиденциальными, чтобы их можно было разглашать. 22 января провинция Хубэй объявила второй уровень реагирования на чрезвычайную ситуацию. 23 января Ухань объявил о мерах по локализации после подтверждения 444 случаев заболевания и 8 смертей, и эта тревожная тенденция была заметна и в других городах провинции Хубэй. 24 января провинция Хубэй повысила уровень реагирования на чрезвычайные ситуации до самого высокого уровня позже, чем провинции Чжэцзян, Гуандун и Хунань. 29 января правительства всех провинций объявили самый высокий уровень реагирования на чрезвычайные ситуации и ввели строгие меры карантина и изоляции. С середины февраля число подтвержденных случаев снизилось в других провинциях, за исключением Шаньдуна: 20 февраля в тюрьме Жэньчэн было зарегистрировано 207 подтвержденных случаев. К концу февраля местные органы власти, за исключением провинции Хубэй, начали использовать цифровой код здравоохранения для облегчения возобновления работы, что указывает на то, что борьба с COVID-19 вступила в новую фазу.

Что касается неправительственной информации о пандемии, то нужно сказать следующее. На первом этапе в социальных сетях появлялись спорадические дискуссии и слухи о вспышке, в основном сосредоточенные вокруг конкретных медицинских работников и пациентов. 30 декабря 2019 г. информатор доктор Ли Вэньян и семь других врачей разослали предупреждающие сообщения о подозрительных случаях своим коллегам и друзьям через WeChat. 1 января 2020 г. этим восьми врачам было предъявлено обвинение в распространении ложной информации, и они были подвергнуты санкциям со стороны Управления общественной безопасности Уханя. На следующей неделе китайские СМИ призвали контролировать онлайн-слухи о пневмонии неизвестной этиологии. «Слухи» стали единственным сопротивлением официальной дезинформации в условиях жесткой цензуры.

После выступления Си Цзиньпина 20 января китайские государственные и коммерческие СМИ стали активно освещать пандемию, но в пределах публикуемой информации, установленной правительством. Государственные СМИ центрального уровня впервые осуществили свою функцию надзора, опубликовав критические репортажи о чиновниках местных ор-

ганов власти. Пользуясь возможностями освещения, легитимными государственными СМИ, коммерческие СМИ последовали этому примеру: в нескольких отчетах о расследованиях критиковались должностные преступления местных чиновников и требовали политической ответственности.

Пользователи Сети на втором этапе стали активно делиться информацией, сообщать о неправомерных действиях государственных чиновников и заниматься самоорганизацией пожертвований и волонтерством, что знаменует собой серьезное отклонение от этапа I и бросает вызов управлению информацией в целом. Пользователи Интернета также использовали платформы социальных сетей для организации пожертвований и координации волонтеров и волонтерских акций.

Этот этап тоже породил дезинформацию, которая в основном касалась ситуации с пандемией, мер государственного контроля и лечения коронавируса. Исследование информации о пандемии с января по март 2020 г. в материковом Китае показало, что в среднем каждый день возникало 67 единиц дезинформации, а на дезинформацию, появляющуюся в январе, феврале и марте, приходилось 15,6, 54,7 и 29,7 процента соответственно.

В результате государственным СМИ пришлось создать веб-сайты для борьбы с дезинформацией о пандемии. Некоторые платформы социальных сетей также предприняли усилия по проверке фактов и уменьшению слухов о пандемии. Пространство средств массовой информации и пользователей Сети для распространения информации, связанной с пандемией, в материковом Китае было строго определено, подвергалось цензуре и контролировалось правительством. Хотя на втором этапе информационное пространство было расширено, фундаментальные черты информационного авторитаризма остались прежними.

Теперь стоит обратить внимание на Гонконг. Памятуя об атипичной пневмонии в 2003 г., Гонконг пристально следит за инфекционными заболеваниями. Получив информацию от Национальной комиссии здравоохранения о 27 подтвержденных случаях заболевания в Ухане, Гонконг внимательно следил за вспышкой COVID-19 на материке. После 23 января 2020 г., когда в Гонконге появились первые подтвержденные случаи, внимание переключилось на местную ситуацию. В следующем анализе фаза I относится к периоду с конца декабря по 22 января, а фаза II относится к периоду с 23 января до конца февраля.

Правительство Гонконга придерживается практики открытого информирования и регулярно обновляет информацию о ситуации со вспышкой за пределами Гонконга на этапе I. 31 декабря 2019 года министр по вопросам продовольствия и здравоохранения (SFH) проинформировал средства массовой информации и общественность о 27 вспышках забо-

леваний и подтвердил случаи пневмонии в Ухане, предложив населению соблюдать правила личной гигиены и гигиены окружающей среды.

В тот день Министерство здравоохранения также потребовало от государственных больниц и медицинского персонала принять строгие меры пограничного контроля и карантина. 2 января 2020 г. SFH провел пресс-конференцию после председательства на межведомственном совещании по рассмотрению существующих профилактических мер, чтобы напомнить общественности о необходимости сохранять бдительность в отношении последних событий, связанных со вспышкой. 3 января Центр охраны здоровья (CHP) расширил сферу мониторинга и усилил проверки и карантин во всех портах въезда в Гонконг, а также способствовал просвещению общественности по вопросам профилактики заболеваний. 4 января правительство запустило план готовности и реагирования на новые инфекционные заболевания, имеющие значение для общественного здравоохранения, и активировало серьезный уровень реагирования с немедленным эффектом. 7 января SFH провел еще одно межведомственное совещание, чтобы рассмотреть последнюю ситуацию со вспышкой на материке и обсудить профилактические меры в Гонконге. 8 января правительство Гонконга официально объявило о «тяжелом респираторном заболевании, связанном с новым инфекционным агентом», как о инфекционном заболевании. На первом этапе CHP часто проводил пресс-конференции и информировал общественность о последнем прогрессе в подтвержденных случаях, выявленных в материковом Китае, Японии, Таиланде и Тайване.

23 января, когда были подтверждены первые два завозных случая COVID-19, Гонконг вступил в свою фазу II. Было сообщено о последней ситуации по случаям и мерам, которые необходимо принять. 25 января правительство активировало самый высокий уровень чрезвычайной ситуации.

В течение этого периода правительство регулярно доводило сведения до общественности по трем каналам. Во-первых, это практика проведения ежедневных пресс-конференций, чтобы сообщать подробности о новых подтвержденных местных и завозных случаях. Во-вторых, ведущие правительственные чиновники, включая главу исполнительной власти, регулярно занимали пост президента конференции для обмена информацией о вспышке и ответных мерах правительства. На втором этапе правительство провело в общей сложности восемь пресс-конференций. В-третьих, правительство создало онлайн-платформы для оперативного обновления информации о пандемии и мерах по предотвращению, такие как онлайн-панель CHP по COVID-19, а также правительственный тематический веб-сайт по COVID-19.

Наше внимание привлекает распространение сведений о пандемии в Гонконге из негосударственных

источников. Прежде всего, нужно сказать о том, что в Гонконге система СМИ открыта и свободна, здесь ценят свободу прессы как важную основную ценность общества. В то же время гонконгские СМИ в целом политически поляризованы и демонстрируют политический спектр, варьирующийся от продемократических до центристских и про-истеблишментских.

В контексте пандемии гонконгские СМИ внимательно следили за последней ситуацией с COVID-19 во всем мире, брали интервью у местных ученых и медицинских экспертов, а также комментировали антипандемические меры правительства Гонконга.

На первом этапе, несмотря на политическую поляризацию, гонконгские СМИ всех политических сил были осторожны в отношении вируса и критически относились к антипандемическим мерам правительства. Кроме того, средства массовой информации регулярно публиковали редакционные статьи, комментирующие меры правительства по предотвращению местной вспышки, с предупреждениями о важности информационной прозрачности в борьбе с пандемией.

На этапе II произошло еще больше путаницы с политикой антипандемических мер, что усложнило информационную экосистему Гонконга о пандемиях. Имея разные политические позиции, гонконгские СМИ вызвали дебаты по поводу ответов правительства, и общество поляризовалось по этим вопросам. Первые дебаты сосредоточились на том, стоит ли запрещать въезд в Ухань и закрывать контрольно-пропускные пункты между Гонконгом и материком. 3 февраля более 5000 медицинских работников, работающих в государственных больницах, провели скандальную забастовку, чтобы заставить правительство закрыть все контрольно-пропускные пункты между Гонконгом и материковым Китаем.

Вторая дискуссия касалась нехватки средств личной гигиены, особенно масок для лица. Растущее освещение в СМИ и протесты общественности в пользу масок по разумным ценам подтолкнули правительство к реализации 29 февраля схемы субсидирования местного производства масок. Третьи дебаты были сосредоточены вокруг карантинных пунктов и скрининговых клиник, назначенных правительством. С 27 января по 17 февраля сотни местных жителей в разных частях города организовали ряд акций протеста против создания карантинных центров или скрининговых диспансеров рядом с их усадьбами. Позже правительству пришлось либо отменить некоторые карантинные объекты, либо выплатить компенсацию пострадавшим жителям.

Несмотря на свободу производства и распространения информации о пандемии, Гонконг, к сожалению, также стал свидетелем серьезной проблемы дезинформации в своей информационной экосистеме во время пандемии. Например, 4 января в социальных сетях распространился слух о том, что государственные больницы Гонконга скрывают

количество пациентов, вернувшихся из Уханя с симптомами пневмонии.

Проблема дезинформации стала более серьезной во время фазы II. Одним из таких слухов было то, что Kowloon Motor Bus Co. Ltd. будет предоставлять лишь ограниченные услуги населению из-за развития пандемии. Согласно другому слуху, Пекин приказал главе правительства Гонконга оказать помощь материковому Китаю, лечя пациентов с Covid-19 из Уханя в государственных больницах Гонконга. Другие источники предполагали, что все порты въезда скоро будут закрыты и продукты питания с материка не будут импортироваться. Кроме того, различная ложная информация о поставках средств по уходу за лицом еще больше взволновала и обеспокоила общественность.

Нельзя забывать о том, что контроль информации и манипулирование нарративами служат политическим интересам режима, который отдает приоритет поддержанию социальной стабильности и монополизации кризисного управления. Хотя информационные и коммуникационные технологии дали обществу возможность раскрывать информацию и контролировать поведение правительства, строгая цензура традиционных средств массовой информации и институциональное управление социальными сетями существенно сводят на нет такие возможности: «Средства массовой информации не функционировали должным образом, и общественности в некоторой степени пришлось полагаться на “слухи как сопротивление” в борьбе с официальной дезинформацией на ранней стадии вспышки COVID-19 в материковом Китае. В результате правительство и государственные СМИ приняли активное участие в выявлении и проверке фактов распространения дезинформации о пандемии в социальных сетях» [6, 104].

Случай Гонконга, напротив, иллюстрирует образец информационной анархии в его пандемической информационной экосистеме. Несмотря на то, что его политика в отношении пандемии вызывает споры, правительство публикует информацию о пандемии открыто и своевременно. Средства массовой информации и общественность имеют свободу производить и распространять информацию о пандемии, которая осуществляет сдерживание и противовес правительству. Однако различная дезинформация и «фейковые новости» о повседневных поставках, подтвержденных случаях заболевания и историях о заговоре между Гонконгом и Пекином «загрязнили» информационную экосистему Гонконга и вызвали социальную панику на ранней стадии пандемии. Большая часть дезинформации о пандемии была связана с недоверием общественности к компетентности правительства в борьбе со вспышкой.

В отличие от материкового Китая, в Гонконге нет эффективных механизмов для исправления и регули-

рования информации в социальных сетях. Хотя правительство пыталось исправить дезинформацию, оно не смогло эффективно устранить сомнения и страхи общественности из-за низкого доверия общественности к правительству. Проистеблишментские и центристские СМИ пытались обнаружить дезинформацию о пандемии; однако их участие в деятельности по проверке фактов не было адекватным и систематическим. Более того, только часть общественности может читать их репортажи или верить им, потому что политические взгляды жителей Гонконга тесно связаны с их выбором средств массовой информации, и они склонны подвергаться влиянию политических сил. Таким образом, из-за низкого доверия общественности к правительству, неадекватного участия СМИ в деятельности по проверке фактов, а также поляризованного общественного мнения и выбора СМИ, Гонконг пострадал от дезинформации общественности о пандемии в Интернете.

В заключение отметим, что то, как информационные экосистемы в материковом Китае и Гонконге функционировали на ранней стадии вспышки COVID-19, с одной стороны, ярко демонстрирует две отличительные модели управления информацией, концептуализируемые как «информационный авторитаризм» на материке и «информационная анархия» в Гонконге. Пример материкового Китая демонстрирует авторитарную модель управления информацией, где правительство имеет полную власть определять объем «публикуемой» информации, а также пространство, к которому СМИ и общественность могут получить доступ в информации о пандемии.

С другой стороны, обе информационные экосистемы, несмотря на то, что они укоренены в разных социально-политических условиях, сталкивались с ложной информацией о пандемии и страдали от нее. Становится очевидным, что, помимо различных факторов, усугубить ситуацию с информированием общества в чрезвычайных ситуациях может как политический авторитаризм, так и присутствие политической поляризации. Все вышеперечисленное требует дальнейших исследований для изучения природы, причин и решений такого распространенного явления, как «инфодемия».

Очевидно, что китайское правительство допустило типичные ошибки в этом отношении, повторяющие негативный опыт предыдущих чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения. Однако в то же время

нельзя игнорировать объективные факты «работы над ошибками» в связи с пройденным КНР опытом борьбы с массовыми заражениями. С самого начала пандемии метод коммуникации правительства в значительной степени опирался на анализ информации, раскрытой во время прошлых чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения [7].

Некоторые проблемные ситуации, связанные с распространением инфодемии, преодолевались непосредственно во время коронавируса. Опыт борьбы с COVID-19 явственно показал, что в дальнейшем разработка адекватной модели информирования граждан в чрезвычайных ситуациях должна учитывать динамику современной медиасферы, связанной с бурным развитием интернета и соцсетей, которые могут выступать и как «помогающий» государственной власти фактор, и как усиливающий социальные нестроения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борхсениус А. В. Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы / А. В. Борхсениус // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2021. — № 8 (1). — С. 52–58.
2. Covid 19Misinfo. — Режим доступа: <https://www.covid19misinfo.org> (дата обращения: 02.05.2023).
3. Землянский А. В. Практика инфодемии: теории «коронавирусного» заговора, их циркуляция и разоблачение в СМИ / А. В. Землянский // Наука и школа. — 2021. — № 3. — С. 51–61.
4. Ran R. When Transparency Meets Accountability: How the Fight against the COVID-19 Pandemic Became a Blame Game in Wuhan / R. Ran // The China Review. — 2021. — Vol. 21. — № 1. — P. 7–36.
5. Землянский А. В. Причины возникновения инфодемии: сравнительный анализ освещения эпидемии SARS и пандемии COVID-19 / А. В. Землянский // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2021. — № 26 (3). — С. 570–579.
6. Ding C. Information Authoritarianism vs. Information Anarchy: A Comparison of Information Ecosystems in Mainland China and Hong Kong during the Early Stage of the COVID-19 Pandemic / C. Ding, F. Lin // China Review. — 2021. — Vol. 21 (1). — P. 91–106.
7. Zhang Y. Government Information Dissemination During Public Health Emergencies: An Analysis of China's Experiences Frontiers / Y. Zhang, Sh. Jiahao, Y. Zheyong // Frontiers in Public Health. — 2022. — Vol. 10. — P. 1–11.

Российский университет дружбы народов им. Патрисы Лумумбы

Тянь Юнчунь, аспирант кафедры массовых коммуникаций

E-mail: 1042225221@pfur.ru

*Patrisa Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Tian Yongchun, Postgraduate Student of the Mass
Communications Department*

E-mail: 1042225221@pfur.ru